

Константин СОМОВ

В окопах Великой Отечественной существовало страшное, редко дающее “сбой” правило: пехотинец больше трех раз в атаку не ходит. Одна из них неминуемо заканчивается для него либо госпиталем, либо братской могилой. Потому непосредственно боевая жизнь на той войне, под бомбежкой или артобстрелом, в атаке или круговерти траншейной схватки, у абсолютного большинства фронтовиков спрессована в часы, реже - сутки и уж совсем редко - в недели.

Но их тоже нужно было прожить, а значит, что-то есть и пить, где-то спать, как-то одеваться. В принципе, солдата такие “мелочи” занимать не должны, заботиться о них - дело государства. И государства о своих солдатах действительно заботились - как наше, так и вражеское.

“Ведь ты понимаешь, кто ты есть? Ты - бог войны! Не артиллерия - бог войны, это про нее зря так говорят, а ты самый настоящий бог, потому что главное и в наступлении, и в обороне - это харч, и всякий род войск без харча - все равно что ноль без палочки. Кто мы есть без горячей пищи? Мы - жалкие люди, даю честное слово! Я, например, без хлеба становлюсь несчастней самого последнего итальянца, хуже самого несчастного румына. И прицел у меня становится не тот, и какая-то слабость в ногах, и в руках дрожь появляется...” (Бронебойщик Лопухин повару Лисиченко. М.Шолохов. “Они сражались за Родину”).

В тылу

Приказом Народного комиссариата обороны № 312 от 22 сентября 1941 года в Красной Армии были введены новые (военные) нормы продовольственного снабжения по четырем категориям. По первой норме обеспечивались красноармейцы и командиры боевых частей действующей армии, вторая норма

120 г, картофеля 600 г, масла 20 граммов. Махорки, спичек, курительной бумаги (положенных на фронте) не выдавалось вовсе.

Но это все по норме, в действительности же все частенько бывало “несколько” иначе. Вот как вспоминал о своей жизни на фронте бывший боец 312-й стрелковой дивизии славгородец Федор Васильевич Слепченко:

- В декабре 1941 года нас разместили на берегу озера Яровое в больших землянках, где не было ни матрацев, ни постелей, только солома, и больше ничего. Питание же было такое: 600 граммов хлеба, супчик жиденький гороховый и ложки три-четыре пшенной каши. Ни тарелок, ни мисок не было. Тазик, с которым в баню ходят, и в него на четверых человек суп давали, а потом немного каши, кто пошустрее был, тому больше и доставалось.

Ко мне из села Васильчуки Ключевского района приезжала сестренка. Как раз перед отправкой на фронт, уже перед погрузкой в эшелон на станции Славгород она привезла мне большой мешок продуктов. Так что я ехал нормально и с ребятами, конечно, поделился, это везде в армии так заведено.

Висла. После пыльных дорог.

предназначалась для прифронтового тыла, третья - для красноармейцев строевых и запасных частей, не входящих в состав действующей армии, четвертая - для караульных частей и тыловых учреждений.

Путь солдата на войне и вблизи нее, если не заканчивался похоронкой или инвалидностью, обычно катился по замкнутому кругу. Запасной полк, передовая, госпиталь, опять передовая, и так до конца всемирного побоища. По нормам питания, предусмотренным для этих трех этапов, видно, что хуже всего кормили в запасном полку. Хлеба там давали в сутки (точнее, должны были давать) зимой - 750 граммов, летом 650 г, мяса полагалось 100 граммов в день, рыбы -

Куда труднее пришлось в тылу сначала минометчику, а потом рядовому пехотинцу яровчанину Ивану Митрофановичу Коломойцу:

- После тяжелого ранения под Николаевом я полгода пролежал в госпитале, а когда выписался, послали меня в Астрахань разгружать баржи для военного завода. Силенок после госпиталя было мало, работа тяжелая, а паек - 300 граммов хлеба на день да суп зеленый, из крапивы с рыбными костями.

На фронте-то, особенно к концу войны, кормили куда лучше. Помогали бойцам, как могли, местные жители - хоть хлеб да кукуруза всегда были. Опять же отобьешь дзот или блиндаж, вот тебе и галеты, шоколад, другое доволь-

ствие. Немцы-то своих обычно хорошо снабжали.

В общем, решили мы с одним парнем обратно на фронт убежать. Так нас на пересылке и брать-то еще не захотели. Пришлось патрулю “попасться”, и поехали мы опять на войну.

На переднем крае

Посмотрим на наименование и количество продуктов в нормах суточного довольствия для личного состава боевых частей действующей армии.

Хлеба из ржаной и обойной муки полагалось 800-900 граммов на день (в зависимости от времени года), мяса - 150 г, рыбы - 100 г, масла - 20 г, сала - 30 г, овощей разнообразных - 820 граммов, крупы - 140 г. Плюс к этому разная мелочь в виде перца, горчичного порошка или уксуса. 20 граммов махорки на сутки, 3 коробка спичек, 7 книжек из курительной бумаги и 200 г мыла для туалетных надобностей в месяц.

Командирам, кроме того, полагался доппак. А именно: масла сливочного или сала - 40 г, рыбных консервов - 50 г, папирос 25 штук или 25 г табака в сутки и 10 коробок спичек в месяц.

В общем, когда все было нормально (если такое слово вообще применимо для войны. - Авт.), кормили бойцов и командиров Красной Армии довольно неплохо. В письме с фронта, датированном 29 апреля 1942 года, заместитель политрука Ю.И. Каминский рассказывает матери: “Получаем утром завтрак - суп с мясом, крупой (или макаронами, или галушками), картошкой. Супу много, почти полный котелок. По утрам же привозят хлеб - 800-900 граммов в день, сахар, махорку или табак и водку - сто граммов ежедневно. В обед снова появляется суп, бывает и каша. Ужин обычно состоит из хлеба, поджаренного на печке и посыпанного сахаром. Иногда к этому прибавляется колбаса - 100 граммов в обед и 30 - утром. В годовщину Красной Армии у нас были и замечательная селедка, и колбаса, и пряники, и т.д. Теперь ждем Первого мая”.

А вот переехавший в Яровое из Казахстана в 90-х бывший командир стрелковой роты Юрий Александрович Соколов весну 42-го вспоминал так:

- Под Ржевом место было гиблое. Немецкие летчики гонялись чуть ли не за каждым человеком, каждой повозкой, а потому с продуктами у нас было плоховато. Ели конину, а то и сухарик один на день. Помню, солдат один у нас пришел с дежурства и говорит: “Эх, есть так хочется, неважину, лучше уж убило бы, чем так”. Минуты не прошло, шальной пулей его напалов. Вот так намолил себе.

“Комический” случай, произошедший также под Ржевом, описывает в своей книге писательница Елена Ржевская. В пустой деревне, находящейся в прифронтовой полосе отчуждения, красноармейцы обнаружили в палисаднике одного из домов холмик. В него был вбит кол, а к нему прикреплена дощечка: “Здесь похоронен Васильев Николай Васильевич. Мир праху твоему”. Смышленные бойцы разрыли холм, выну-

ли из ямы, оказавшейся погребом, засыпанную в нее картошку, насыпали землю обратно и поставили табличку: “Воскрес и ушел на фронт”.

Еще один житель Ярового, мальчишкой познавший на себе все “прелести” фашистской оккупации, Василий Васильевич Свиридов рассказывал:

- В феврале 1943 года рядом с нашим хутором, что не так далеко от Курска, шли сильные бои. Потом фронт ушел дальше на Запад, а на полях остались сотни обледенелых трупов. Наши, немцы, венгры - вперемешку. За время оккупации обносились и оголодали мы страшно. Потому лазили среди этих трупов в поисках обмундирования и продуктов. Наших не тро-

гали никогда. Искали убитого в голову немца или венгра, снимали с него шинель, мундир, сапоги. Особенно ценилось немецкое офицерское белье. Оно было шелковое, и вошь на нем не держалась, соскальзывала.

У немцев и мадьяр мы порой находили в ранцах галеты, эрзац-хлеб, как-то разжились сахаром. У наших не было ничего. Только у одного в сидоре (вещмешок. - Ред.) нашли смерзшуюся дохлую ворону. Сварить, видать, ее хотел, да не пришлось. Полтора года ихнего “нового порядка” зачерствили наши души. Найдешь, бывало, сухарь или галету у убитого немца, сядешь прямо на его заколоченный труп и сидишь, жуешь.

Госпиталь

Необходимо отметить, что госпитальный паек находящихся на излечении бойцов Красной Армии был значительно разнообразнее и по отдельным пунктам весомее, чем даже на передовой. Основу его составляли: хлеб - 600 г (пополам ржаной и пшеничный), мясо - 120 граммов, рыба - 50 г, масло коровье - 40 г, овощи - 735 г. В нормы суточного довольствия по госпитальному пайку входили также невиданные на фронте: молоко - 200 г, сметана - 50 г, творог - 25 г, фруктовый сок - 100 г.

Для выздоравливающих бойцов и командиров Красной Армии суточная норма хлеба увеличивалась до 800 г - ржаного 400 г и пшеничного из муки первого сорта - 400 г. Раненым и больным, поступившим на излечение в госпиталь из действующей армии, полагалось выдавать по 25 штук папирос 3 сорта в сутки на человека и 3 коробки спичек в месяц.

Распоряжением Совета Народных Комиссаров СССР от 25 декабря 1942 года разрешалось выдавать продукты донорам, военнослужащим и вольнонаемному составу частей и учреждений Красной Армии. Донорам, сдавшим от 400 до 500 куб. см крови: масла сливочного - 0,5 кг, сахара - 0,5 кг, мяса - 0,5 кг, крупы - 0,5 кг. За

200-250 куб. см крови все то же, только по 0,3 кг.

В беседах с побывавшими в прифронтовых и тыловых госпиталях фронтовиками особых жалоб на питание слышать не приходилось. Вспоминали, как правило, о другом.

Юрий Соколов: “В госпиталях было не сладко. Помню, одному раненому руку отняли, а гангрена дальше пошла. Говорят ему: “Стакан водки дадим. Выдержишь?” А куда деваться. Так и пилили поживому. Особенно плохо было в тыловых госпиталях. Выписывался я зимой 1943-го по комиссии, так даже шапки мне не дали”.

Павел Апанасенко, кавалерист: “Уход был хороший, врачи хорошие, а вот с лекарствами дело обстояло плохо. Осколки из шеи вырезали наживую. Орал, помню, всюю, потому как больно было”.

Анастасия Бударова (Чикина), боец санитарного поезда:

- На швейной фабрике в Новосибирске двенадцатичасовой рабочий день, хлебная пайка худая совсем, а к ней суп из крапивы. Выматывались ужасно и решили идти записываться с подружками в армию. Страшно, зато паек хороший. После учебы попали в июле 1942-го бойцами в санитарный поезд, и там нас первым делом хорошо накормили, съели мы зараз по три солдатские порции.

Голодно было вокруг, а в госпиталях, санпоездах кормили неплохо. Помню, получила на раздатке на станции два ведра каши да и опоздала с ними к эшелону. Что делать? Взгля и всю эту кашу ребятишкам раздала, их дополнила голодных на станции толкалось. А свой эшелон на другом поезде догнала. Ничего, не наказали меня.

Илья Глеба, механик-водитель Т-34, в августе 1944 года был тяжело ранен под румынским городом Плоешти:

- В канун Победы выписали меня из госпиталя домой, обмундировали. Делалось это так: берешь новые шаровары и старую шинель. Шинель новую хочешь - шаровары с гимнастеркой бери старые. В общем, получил я шинель настолько залатанную, что выглядел в ней точь-в-точь, как бравый солдат Швейк. Когда я на костылях, в шинелке этой и шапке бзушной (бывшей в употреблении. - Ред.) зашел к своим родственникам в Славгороде, они меня не узнали.

Наркомовская “сотка”

Водку в дореволюционной армии и на флоте выдавали и в мирное, и в военное время, но, судя по признанным во всем мире высоким боевым качествам русских солдат, алкоголиками они не становились. По описаниям очевидцев, когда перед Бородинским сражением солдатам Кутузова стали раздавать по положенной чарке, многие пить отказались, заявив, что “не такой сегодня день, чтобы зельем его поганить”. В 1908 году винная порция (3 чарки в неделю) по приказу военного министра была заменена “чайными” деньгами. Узаконенная выдачка водки в нашей армии была восстановлена зимой 1940 года во время советско-финского военного конфликта. Тогда бойцам (вместе с салом) выдавался стеклянный

ВОЙНЫ

пузырек со спиртом емкостью в сто граммов. С той поры, очевидно, и пошло выражение “наркомовские сто граммов”.

Выдача водки (100 г в день на человека) в действующей Красной Армии началась с 1 сентября 1941 года. За время войны порядок неоднократно менялся. Уже весной 1942-го вышел приказ наркома обороны, по которому ежедневная выдача водки сохранялась только для военнослужащих частей передовой линии, имеющих успехи в боевых действиях, правда, уже по 200 г на человека в день. Всем остальным военнослужащим передовой линии полагалось по 100 г на человека в революционные и общенародные праздники, а также в день формирования части.

Очень скоро 200 граммов в день показалось многовато, и уже в июне 1942-го было приказано ежедневную выдачу водки сохранить в размере 100 г “только тем частям передовой линии, которые ведут наступательные операции”. С ноября 1942-го состав бойцов и командиров, получающих по 100 граммов в день, вновь расширился, теперь “наркомовские” полагались “подразделениям частей, ведущим непосредственно боевые действия и находящимся в окопах на передовых позициях; подразделениям, ведущим разведку; артиллерийским и минометным частям, приданным и поддерживающим пехоту и находящимся на боевых позициях; экипажам боевых самолетов по выполнению ими боевой задачи”. По Закавказскому фронту было приказано выдавать вместо 100 граммов водки 200 граммов крепленого или 300 граммов столового вина.

От фронтовиков приходилось слышать, что порой вместо водки им выдавали спирт, особенно зимой. Вот что рассказывал участвовавший в прорыве ленинградской блокады в январе 1943-го водитель фронтовой полуторки Александр Мирошниченко:

- По северному пайку получали мы 100 граммов спирта в день. Я не курил, и у меня выходило 200 граммов - выменивал на табак. Но по тем морозам ни разу не помню, чтобы крепко опьянел. Немного погреет тебя спирт, и все, опять замерз. Выскакиваешь и мотаешь круги вокруг машины.

Многие же молодые бойцы не пили положенные им сто граммов вовсе. “Стали мы в оборону летом 42-го на Северском Донце, - вспо-

минал бывший артиллерист, а впоследствии французский партизан яровчанин Спиридон Бояринов, - через день привезли на грузовике водку, только пить ее никто не стал. Мы же не водку туда пришли пить, а Родину защищать!”

Последнее изменение произошло в мае 1943 года, тогда выдачу водки по 100 граммов в сутки было приказано “производить военнослужащим только тех частей передовой линии, которые ведут наступательные операции”. Причем определение того, каким именно армиям и соединениям выдавать водку, возлагалось на военные советы фронтов и отдельных армий.

Однако в действительности водки на передовой можно было

вали, что водкой и спасались. И еще куревом.

Впрочем, были на фронте люди, которым дополнительные сто граммов водки в день с 22 июня 1943 года полагались официально. По приказу НКО СССР, подписанному И.Сталиным, бойцам подразделений войсковой разведки полагалось дополнительно выдавать по 15 граммов сахара, 25 г сала шпик, 100 граммов хлеба и 100 граммов водки. Правда, водку выдавать только в дни выполнения боевых заданий.

Сколько приходилось читать воспоминаний фронтовых разведчиков и выслушивать их самих, ни один не припомнит, чтобы употреблял спиртное в дни выполнения боевых заданий.

- Перед уходом в поиск и во время его ни я, ни мои товарищи никогда не выпивали. Мы хоть и молодые были, да не дураки, - пояснял бывший командир отделения пешей разведки 47-го гвардейского танкового полка прорыва Иван Григорьевич Лубинец. - После удачного поиска, случалось, собирались в блиндаже и снимали напряжение как следует. Водки для нас тогда никто не жалел, и пить ее командиры не мешали.

Деньги

Мало кто знает, что кроме пайка на фронте полагалась и “зарплата”, точнее, денежное довольствие. Большинство офицеров свои денежные аттестаты отсылали в тыл родственникам, молодые лейтенанты - порой просто девушкам по переписке. Случалось, что некоторые ушлые девушки, разослав сразу несколько фотографий и жалостливых писем в действующие части, получали аттестаты от двух-трех ходящих под смертью парней. Полагались денежные выплаты и красноармейцам. Правда, упоминание о боевой зарплате рядового солдата пришлось услышать только раз - из уст бывшего пехотинца, связиста и повара, жителя Бурыли Михаила Ивановича Валегова (ординарца Виктора Некрасова, автора книги “В окопах Сталинграда”):

- Как помню, привозили нам сразу две ведомости. Одна - на получение денежного довольствия, вторая - на перечисление этой суммы в фонд обороны. Подписал в двух местах - и все, свободен. Сколько там нам полагалось, не знаю. Ни мне, ни ребятам это не надо было, так что никто и не смотрел, расписывались, да и все.

Еще одну интересную историю про деньги на войне поведал бывший командир взвода противотанковых орудий, после войны ставший учителем математики, Павел Петрович Чуйко:

- После боев под Курском летом 1943-го на долю нашего ИПТАПа (истребительно-противотанкового полка. - **Ред.**) насчитали около 100 подбитых немецких танков и самоходок, что, конечно, было зна-а-чительным увеличением. Но дело не в этом, а в том, что за каждый подбитый танк или самоходное орудие врага от государства полагались деньги. Мы провели собрание в полку и решили - денег этих не брать, а перечислить их на закупку автомобилей для нашей части. У нас орудия были на конной тяге. В итоге и денег мы этих не увидели, и на конной тяге путешествием чуть не до конца войны.

(О быте гитлеровских солдат читай в следующую пятницу).

Получили форму. Славгород, декабрь 1941 г. Бойцы 312 с. д. Вверху Павел Гиенко, внизу Дмитрий Сидоров (погиб в своем первом бою).

при желании выпить и больше, особенно при принадлежности к комсоставу.

- Каждый день положены были сто граммов водки, - рассказывал бывший комбат С.Засухин, - но на самом деле выпадало больше. В пехоте ведь числится 800-1000 человек. Вечером, после боя, на 100-300 оставалось меньше. Потому наши интенданты имели всегда запас. И мы в батареях хранили “энзэ” в термосах. Водка сопровождала все 24 часа. Без нее невозможно было, особенно зимой. Бомбежки, артобстрелы, танковые атаки так на психику действо-

Давай закурим!